КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАВДА
г. АЛМА-АТА
16 ОКТ 1964

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

Декада русской литературы и искусства в Казахстане 1964

Театр Моссовета карту на Мордвинова и на Раб. [illegible]

Мы каждый день ждали его у театра. Он не спеша поднимался по улице Дзержинского. И, стараясь сохранить независимый вид, мы медленно шли ему навстречу.

Было тяжелое лето 1942 года. Взрослые улыбались редко. Радио твердило: «Под давлением превосходящих сил противника наши войска оставили...»

А навстречу шел человек, который всегда побеждал, и нам казалось — возьми он сейчас шашку, вскочи на боевого коня, и побегут фашисты до самого Берлина.

Мы путали артиста с его героями. Он заходил в театр, а мы, присев на край арыка и спустив ноги в воду, предавались воспоминаниям...

...Грозовые тучи клубятся над степью. Кружатся и стонут над широким разливом Днепра чайки. Погруженный в глубокую думу, появляется на экране Богдан Хмельницкий, загорелый казак с чубом.

Тесные узы связывали Богдана, воссозданного Николаем Мордвиновым, с народом. Он словно видел отсюда—с кургана — убитую Стефаном Потоцким женщину. И уходящую вдаль, до поднебесья, дорогу, уставленную по обочине крестами с распятыми на них запорожцами.

Сквозь черный дым костра видна могучая чубатая голова казака Нивы, слышны его полные грозного веселья слова:

— Смийтесь, диты, смийтесь над ляхами!

И раскаты хриплого хохота доносятся из-за густой пелены дыма.

И вот уже рушились шляхтинские замки, бежали рейтары. И, разорвав польский штандарт, положив руку на сердце, вдохновенно говорил Богдан:

— С русским народом — навеки! И не будет силы той, чтобы нас сломила!

Через десяток лет, изучая творчество Николая Мордвинова, в газете «Советская Украина» я наткнулся на такие строки: «Мне хотелось создать образ героя, овеянного романтикой, опоэтизированного народом, воспетого в чудесных украинских думах и сказаниях, образ суровый, сказочно красивый, по-сегодняшнему живой». Это было написано в феврале 1941 года. В апреле фильм вышел на экраны страны. А через два месяца началась Великая Отечественная война. И в битвах на Волге, под Корсунь-Шевченковском, на Днестре — всю войну образ Богдана прошел плечом к плечу с нашими солдатами, действительно «по-сегодняшнему живой».

...Первые месяцы войны. За железнодорожной линией прямо у товарной станции табор эвакуированных. Они тщетно ходят по городу в поисках квартир.

Везут вверх от вокзала раненых. Потом это станет привычным, а сейчас они первые. В бинтах, безразличные ко всему. На тротуарах толпы народа — женщины, дети. Раненых везут в открытых машинах, и кто-то из них спрашивает:

— Где мы, товарищи?

— Алма-Ата, Алма-Ата, — торопливо отвечают из толпы.

...Никогда еще театр на улице Дзержинского не видел такого наплыва зрителей. Театр имени Моссовета эвакуировался в Алма-Ату, в него влилась местная русская труппа.

Зритель был особенный. Только что он стоял у станка, делал торпеды и автоматы, только что эти исколотые пальцы шили гимнастерки и шинели, теперь они торопливо разворачивали театральные программки.

И неслись со сцены в зрительный зал слова, которые убеждали: несмотря на лишения, голод, мы победим. Зрители уходили взволнованными, и еще долго стояли перед ними незабываемые образы, созданные любимыми артистами.

Надежда Дурова — Марецкая.
Олеко Дундич — Названов.
Генерал Огнев — Мордвинов...

Назавтра мы снова у театра. Сегодня воскресенье—дневной спектакль.

— Может, попросить его, чтобы провел в театр?

Предложение не имеет успеха у Мишки. Понимаю, почему. Неделю назад мы подошли с этой просьбой к высокому белокурому артисту. Выслушав, он с недоумением минуту рассматривал нас — босые, загорелые до синевы, единственная одежда — трусы.

— Аборигены, значит? — спросил актер. Что это такое, мы не поняли. Но, наверно, это было что-то очень плохое, потому что в следующее мгновение артист согнул палец и ловким щелчком набил Мишке на лбу желвак. А потом, посвистывая, пошел к подъезду. Мы стояли ошарашенные. На глазах у Мишки, который не орал, когда его била вся Горветка, блеснули слезы. Я поднял камень. Мишка поймал меня за руку.

— Думаешь, ему легко, каждый день фашистов играет. Поэтому такой и злой.

Вообще в эти дни алма-атинские мальчишки разрывались на части: в роще Баума снимаются фильмы «Парень из нашего города» и «Котовский». На площади, где сейчас Казахский театр драмы, стояла декорация, ее время от времени поджигают — режиссер И. Пырьев ставит «Секретаря райкома». В здании киностудии Сергей Эйзенштейн снимает «Ивана Грозного». Алма-Ата стала кинематографической столицей.

Но мы верны театру, мы знаем, что Мордвинов обязательно будет на спектакле.

Правда, мы бегаем и в рощу—там совсем рядом снимаются сразу две картины. Справа, отплевываясь и зло поглядывая на визжащих от восторга пацанов, ползет подполковник Луконин — Николай Крючков. А чуть дальше по березовой аллее едет на дрожках в белом пиджаке агроном Григорий Котовский.

По улицам нашего города не спеша ходит поэт Луговской. Он рассматривает огромные валуны на улице Карла Маркса, синюю дымку над отрогами Алатау. Как замечательно он потом скажет об Алма-Ате военных лет — город голубых снов.

Но мы еще пока не знаем этого—мы просто мальчишки.

И больше всего нам хочется сейчас попасть в театр — ведь сегодня идет «Надежда Дурова».

— Вон он! — толкаю Мишку.

Он идет, как всегда, не торопясь, в черном костюме, в цветастой узбекской тюбетейке. Мы останавливаемся на почтительном расстоянии от него.

— Дяденька, — нерешительно произносит Мишка. Голос у него почему-то жалобный. На нас смотрят такие знакомые глаза — добрые, умные, насмешливые — десятки раз мы видели их на экране.

— Ну, — словно подбадривает он и тоже внимательно начинает разглядывать нас. Мы вспоминаем недавнее и на всякий случай делаем шаг назад.

— Проведите нас в театр, — почти шепотом просит Мишка. Мордвинов пристально смотрит на нас. Сколько раз потом мы будем вспоминать этот взгляд! Спорить — на кого он поглядел первого. Ведь нам так не хватало в то время отцовской ласки. Он подталкивает нас к входу. Старенькой билетерше говорит на ходу:

— Это со мной — большие любители.

И уже в пустом фойе говорит таким знакомым сочным голосом:

— А все-таки штаны нужны...

— Они все в заплатах, — опустив головы, отвечаем мы.

...— Но все-таки штаны! А то совсем взрослые ребята, и...—непередаваемый жест рукой, и он уходит по коридору за кулисы. А мы стоим обалдевшие и гордые. Ведь не каждому из алма-атинских мальчишек скажет сам Богдан Хмельницкий, что они уже совсем взрослые.

Свободных мест в театре, конечно, нет. Но прекрасно можно устроиться у стенки или пробраться к самой раковине оркестра и усесться на ступеньках.

...Стремительно врывается на сцену Надежда Дурова — Марецкая. Чувствовалось, что только сейчас она спрыгнула с коня и вся еще во власти бешеного ритма скачки. И так же, как в Москве, зал гремел аплодисментами — артистку любили и знали.

...Уходят воевать с Бонапартом ополченцы, уходят лихие казаки, их ведет молодой есаул Андрей Клименко.

В руках у Надежды отцовская сабля. Взмах — и девичьи косы на полу. И еще раз взмахнув саблей, девушка гордо произносит:

— Вот зеркало у женщины в минуту, опасную для Родины!

Нужно понять состояние сидящих в зале — тысячи их сестер сражались на фронте санитарками и снайперами, зенитчицами и радистками. Слова, звучавшие со сцены, отдавались в их сердце.

...Немногословен есаул Клименко. Он давно уже догадывается, чье сердце бьется под ментиком молодого ершистого гусара. И он любит Надежду — молчаливо и трогательно. Но предстоит жестокий бой, и он хочет, чтобы Надежда знала все. И, скомандовав гусару «смирно», есаул говорит Надежде о своей любви. Гусар стоял, вздернув подбородок, вытянув руки по швам. Но надо было видеть глаза Надежды. В них было все — и любовь, и счастье.

Особенно потрясла сцена смерти есаула. Тяжелораненый Андрей — Мордвинов умирал. Рядом была любимая, но он хотел быть с теми, кто еще сражался. Рука его тянулась к сабле. Он так и умирал, приподнявшись и глядя туда, где бились его казаки. У тела его стояла на глазах изменившаяся Надежда Дурова, и ничего, кроме жажды мести, не светилось в ее глазах.

Мы шли по темным мягким улицам — маслянистая пыль шлепала под ногами. Шли на Пастера, на второй хлебозавод. Мы были «возчиками хлеба». Специальность эта была весьма оригинальная. К весне сорок третьего года в городе не стало лошадей — не было корма. И тогда в транспортную контору пришли женщины. Они брали с собой и мальчишек. Были сделаны сотни повозок—как у китайских кули... Иногда за работу мы получали буханку хлеба. Половину тут же съедали, половину продавали: за выручку можно было раз семь сходить в театр.

Мы стали чем-то вроде театральных гидов—водили мальчишек смотреть, где живут артисты, попутно рассказывая содержание спектаклей. Большинство артистов жило в здании нынешнего ТЮЗа — Астангов и Целиковская, Жаров и Алейников, Чирков и Крючков. Скученность была страшная. Но артисты не унывали. Два дня в неделю, после спектаклей, с двенадцати часов ночи давали концерты, сборы от которых шли в фонд обороны. Днем они выступали в госпиталях, перед частями, уходящими на фронт. Жилось им трудно. После съемок фильма «Жди меня» умер талантливый артист Блинов — Фурманов в «Чапаеве». На заготовке саксаула погиб ученик Эйзенштейна молодой режиссер Кадочников.

В сорок втором году «Правда» начала печатать пьесу Корнейчука «Фронт». А скоро алма-атинцы увидели ее на театральной сцене.

— Генерал-майор Огнев прибыл по вашему распоряжению, — четко звучат слова рапорта. И генерал-майор Огнев — Н. Мордвинов входит в кабинет командующего фронтом Горлова.

Статная фигура, немногословная речь. И сразу столкновение не только человеческих характеров — столкновение двух мировоззрений. Горлов напорист, упрям, но это хам в генеральском мундире, человек, любимые слова которого «университетов мы не кончали». Да, по-своему он предан Родине, но что толку от этой преданности, если узок кругозор Горлова, бедна его душа, если пост, на который вознесен этот ограниченный человек, чудовищно не соответствует его возможностям. Он не любит Огнева — это генерал новой формации, человек огромной культуры, теоретик и практик одновременно. Должно быть, он напоминает Горлову таких же «умников и стратегов», которых убрали в тридцать седьмом. Ведь только их гибель позволила Горлову занять столь высокий пост. Через много лет один из старых военных писал в своих воспоминаниях, что Огнев—Мордвинов, в пьесе «Фронт» напомнил ему одного из героев гражданской войны — маршала Тухачевского.

Особенно проникновенно играл артист сцену, где Огнев попадает в родное село. Фашисты расстреляли его отца — старого учителя. За окном негромкая музыка — хоронят павших. А здесь, в холодной комнате, одинокий человек. Негромко вспоминает он отца. Ничего броского, он и сидел, отвернувшись к окну, спрятав лицо в ладони. Но столько сдержанной силы и горя было в словах артиста, что плакал зал. И только в конце он подходил к окну:

— Они еще узнают тебя, старый учитель. Узнают в сыне, клянусь твоей памятью, мой добрый, милый старик.

Армия Огнева прорывает кольцо окружения. И вот они снова друг перед другом:

— Что ты от меня хочешь?—спрашивает Горлов.

— Одного. Чтобы вы фронтом не командовали.

И когда Горлов был снят, он кричал с порога Огневу:

— Вы еще позовете меня. Вы еще вспомните...

И спокойно отвечал Огнев:

— Ты кому грозишь, Горлов? Народу? Партии?

Огромная сила звучала в этих словах Огнева — Мордвинова. И зал отвечал артисту шквалом аплодисментов.

Совместная работа в театре и кино взаимно обогатила русских и казахских артистов. О том времени, когда они плечом к плечу работали в одном театре, тепло вспоминают Серке Кожамкулов, Калибек Куанышпаев, Елюбай Умурзаков.

Прошло более двадцати лет. Народный артист СССР Николай Дмитриевич Мордвинов — участник декады русской литературы и искусства в Казахстане. За двадцать лет изменился наш город, выросли не только дома и новые проспекты. Высокое звание народного артиста СССР с честью носят казахские актеры Роза Джаманова и Хадиша Букеева, Шакен Айманов и Ермек Серкебаев.

Многое изменилось в нашем городе, но неизменной осталась любовь алма-атинцев к большому советскому артисту, артисту-гражданину Николаю Дмитриевичу Мордвинову.

Н. БАБОШИН.